

не щадил ни пола, ни возраста. Было казнено много знатных римских магнатов по обвинению в прелюбодеянии и безнравственности⁷⁹. В древней столице империи процветали доносы. По рассказу Аммиана, у префекта претория Максимиана, главного виновника террора, «всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой подвешивали доносы»⁸⁰. Аммиан Марцеллин, так же как и впоследствии византийский историк Прокопий, не жалеет самых сильных эпитетов для осуждения политики произвола ненавистных ему императоров.

В чем же причины столь откровенно обличительной направленности исторического сочинения Аммиана Марцеллина? Где следует искать корни его политической оппозиционности?⁸¹

Причины оппозиционности Аммиана Марцеллина, на наш взгляд, следует искать в политических настроениях старой римской аристократии и поддерживающей ее языческой интеллигенции. Аммиан, сам не принадлежа к высшим аристократическим слоям римского общества, в известной мере все же оказался рупором политических настроений фрустрирующей против императоров сенаторской знати⁸².

Аммиан Марцеллин, подобно Прокопию, проповедует ярко выраженные монархические идеи. Как и Прокопий, он осуждает отнюдь не принцип императорской власти, а только дурных правителей. Идеал государственного правления и для Марцеллина, и для Прокопия лежит в далеком и славном прошлом великой Римской державы. Симпатии наших историков вызывают лишь те императоры, которые воплощали античное понимание верховной власти как ответственной перед обществом и делегированной им. Как Прокопий, так и Марцеллин восстают против деспотизма отдельных современных им правителей и безудержно идеализируют деяния древних римских государей. Резко критическое отношение к влекущей их живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасающего величия Рима — вот идеи, которые роднят обоих этих авторов, отделенных друг от друга почти двумя столетиями.

Аммиана в известной степени сближает с Прокопием и то, что оба автора выносят обвинительный вердикт правительству за террор в отношении старой римской патрицианской знати. Аммиан, как и Прокопий, всегда подчеркивает, что Валент и Валентиниан I подвергали гонениям именно представителей знатных, зачастую еще языческих, патрицианских родов. При Валенте, пишет он, палачи напали на самые столпы патрициата⁸³. В этом отношении Аммиан Марцеллин является выразителем идеологии языческой оппозиции против гонений «христианских» императоров на старую родовую языческую знать. Но, как мы видели, вероисповедные мотивы у него при этом не играют первостепенной роли; несравненно более важное значение имеют политические симпатии или антипатии к тому или иному правителю, ибо с новым «христианским» императором Феодосием наш автор вполне мирится. Более того, он рас-

⁷⁹ Ibid., XXVIII, 1.28.

⁸⁰ Ibid., XXVIII, 1.36.

⁸¹ E. Auerbach. *Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur*. Bern, 1959, S. 56 (сравнение обличений Аммиана и Тацита), A. D e m a n d t. *Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians*. Bonn, 1965.

⁸² В нашей литературе была сделана интересная попытка выяснить социальные корни политической оппозиционности Аммиана Марцеллина. См. Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи (Либаний и Аммиан Марцеллин). — «Труды Одесского гос. ун-та», вып. 49, истфак, т. II, 1947, стр. 89—116. Сравнивая мировоззрение Ливания и Аммиана Марцеллина, автор приходит к выводу, что они оба были выразителями оппозиционных языческих идей средних свободных землевладельцев, близких к декурионам.

⁸³ A m m i a n. M a g c., XXIX, 2.9.